

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАИМЕНОВАНИЙ ЭМОЦИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Холтураева Маржона

Аннотация. В статье рассматриваются лексико-семантические особенности наименований эмоций в русском и узбекском языках. Эмоциональная сфера представляет собой значимый фрагмент языковой картины мира, поскольку способы номинации и семантической организации эмоциональных состояний отражают не только универсальные свойства человеческого опыта, но и особенности его языковой концептуализации. Цель исследования заключается в выявлении общих и национально-специфических закономерностей организации эмоциональной лексики русского и узбекского языков. Материал анализируется с применением сопоставительного, лексико-семантического, компонентного и контекстуального методов. В центре внимания находятся базовые номинации эмоций, их семантическая структура, синонимические отношения, степень интенсивности, оценочные компоненты и способы уточнения эмоционального состояния. Сопоставление показывает, что в обоих языках выделяются устойчивые зоны, связанные с положительными и отрицательными эмоциональными состояниями, однако границы отдельных лексико-семантических групп и способы их дифференциации не полностью совпадают. Русские номинации эмоций обнаруживают развитую систему лексической и словообразовательной дифференциации, тогда как в узбекском языке значительная часть оттенков эмоционального состояния получает выражение посредством контекста, аналитических сочетаний и аффиксальных средств. Полученные результаты позволяют уточнить характер межъязыковых семантических соответствий и выявить участки частичной и нулевой эквивалентности.

Ключевые слова: эмоциональная лексика, эмоция, эмотивная семантика, лексическое значение, лексико-семантическая группа, сема, семантическое поле, сопоставительное языкознание, русский язык, узбекский язык, языковая картина мира, межъязыковая эквивалентность.

Эмоциональная сфера относится к числу тех участков лексической системы, где особенно отчётливо проявляется взаимодействие универсального человеческого опыта и специфических способов его языковой интерпретации. Человек способен испытывать радость, страх, гнев, печаль, удивление, стыд и другие эмоциональные состояния независимо от конкретного языка и культуры, однако набор языковых единиц, которыми эти состояния обозначаются, их семантическая структура и характер употребления могут существенно различаться. Поэтому сопоставление эмоциональной лексики двух генетически и типологически различных языков представляет интерес для выявления механизмов межъязыкового соответствия.

В лингвистике эмоции рассматриваются не только как психологические состояния, но и как особая область языковой категоризации. В. И. Шаховский сформировал направление лингвистики эмоций, рассматривающее эмотивность как существенный компонент семантики языковых единиц [1]. В его ранней работе подчёркивается необходимость разграничения понятия эмоции и его языковой репрезентации [2]. Ю. Д. Апресян, исследуя системную организацию лексики русского языка, показывает сложность описания лексических подсистем, в том числе единиц, связанных с эмоциональными состояниями [3]. В. Ю. Апресян позднее выделяет отдельные типы эмоциональных значений и показывает, что одна и та же эмоциональная сфера может включать целые группы семантически близких, но не тождественных единиц [4].

Для сопоставительного исследования существенное значение имеет концепция А. Вежбицкой, согласно которой эмоциональные категории нельзя автоматически считать одинаковыми во всех языках. Сопоставление должно учитывать способы концептуализации эмоционального опыта, закреплённые в конкретной лексике и типичных сочетаниях [5]. В исследовании русской эмоциональной экспрессии Вежбицкая обращает внимание, в частности, на русские коллокационные модели, связывающие эмоции с представлениями о человеческом теле [6]. Её подход показывает, что различия между языками могут проявляться не только в наличии или отсутствии отдельных слов, но и в характерных моделях их употребления.

Важным теоретическим основанием является также положение о том, что лексическое значение имеет внутреннюю структуру и может быть описано посредством набора семантических компонентов. Такой подход позволяет перейти от простого перевода слов к установлению конкретных компонентов значения, совпадающих или расходящихся в двух языках. И. А. Стернин и М. С. Саломатина рассматривают комплексную процедуру семантического анализа слова в контексте, основанную на выявлении компонентов значения и их реализации в речи [7].

В качестве исходного материала могут быть использованы русские наименования радость, счастье, удовольствие, восторг, грусть, печаль, тоска, страх, тревога, испуг, гнев, злость, раздражение, обида, стыд, вина, удивление, восхищение и соответствующие им узбекские единицы *quvonch*, *xursandchilik*, *baxt*, *zavq*, *hayajon*, *g'am*, *qayg'u*, *qo'rquv*, *xavotir*, *vahima*, *g'azab*, *jahldorlik*, *achchiqlanish*, *xafa bo'lish*, *uyat*, *aybdorlik*, *hayrat*. Приведённые узбекские формы используются здесь как иллюстративный языковой материал, а не как цитаты из конкретных художественных текстов.

Первым параметром сопоставления является наличие базовых эмоциональных номинаций. В русском языке существительное радость обозначает положительное эмоциональное состояние, возникающее в связи с переживанием удовлетворения, успеха или благоприятного события. Узбекское *quvonch* также обозначает положительное эмоциональное состояние, связанное с удовлетворением и переживанием чего-либо

желательного. На уровне общей денотативной направленности между единицами наблюдается близкое соответствие.

Однако семантическое совпадение не является абсолютным. Русская лексема радость обладает широким диапазоном употребления: она может обозначать как кратковременное состояние, так и устойчивое чувство или источник положительного переживания: испытывать радость, доставить радость, радость встречи. Узбекское *quvonch* также способно функционировать в подобных контекстах, но конкретная реализация значения определяется синтаксической конструкцией и лексическим окружением. Следовательно, соответствие радость – *quvonch* можно рассматривать как близкое лексико-семантическое соответствие, при котором основное значение совпадает, а часть контекстуальных реализаций требует дополнительного анализа.

Особый интерес представляет соотношение счастье – *baxt*. В обоих языках эти единицы могут обозначать положительное состояние, связанное с благополучием и субъективной удовлетворённостью. Вместе с тем счастье способно обозначать не только эмоциональное состояние, но и благоприятное стечение обстоятельств: счастливый случай, ему повезло. Узбекское *baxt* также имеет более широкую семантическую область, связанную с жизненным благополучием, удачей и судьбой. Поэтому здесь наблюдается не простое совпадение двух «слов-эквивалентов», а соответствие более сложных семантических структур.

Показательна также группа номинаций, выражающих отрицательные эмоциональные состояния. Русские страх, тревога, испуг, ужас, паника не являются полными синонимами. Их различие определяется прежде всего интенсивностью переживания, длительностью состояния и характером эмоционального объекта. Испуг обычно связан с внезапной реакцией на конкретный раздражитель, страх характеризует более широкую эмоциональную реакцию, тревога предполагает состояние беспокойства и ожидания неблагоприятного развития ситуации, а ужас характеризуется высокой степенью интенсивности.

В узбекском языке соответствующий семантический ряд включает *qo'rquv*, *xavotir*, *qo'rquvga tushish*, *vahima* и другие единицы и сочетания. *Qo'rquv* представляет общее обозначение страха, тогда как *xavotir* связано прежде всего с беспокойством, тревогой и ожиданием неблагоприятного события. *Vahima* обозначает состояние сильного страха или паники. Сопоставление показывает, что основные эмоциональные противопоставления в двух языках совпадают, однако распределение семантических компонентов между отдельными единицами различается.

Особенно показательна пара гнев – *g'azab*. Русское гнев обозначает сильную отрицательную эмоцию, вызванную воспринимаемой несправедливостью, обидой или серьёзным нарушением нормы. Узбекское *g'azab* также обозначает сильное негодование и гнев. В обоих языках данная эмоциональная номинация характеризуется высокой степенью интенсивности. Вместе с тем в русском языке рядом с гневом существует ряд злость – раздражение – ярость – негодование, а узбекская система использует сочетание

лексических и словообразовательных средств для дифференциации интенсивности и характера эмоционального состояния.

Именно интенсивность является одним из наиболее продуктивных параметров организации эмоциональной лексики. Для русского языка характерна развитая система градуальных отношений: недовольство – раздражение – злость – гнев – ярость. Данная последовательность не является абсолютно фиксированной, поскольку контекст может изменять интенсивность отдельных единиц, однако она демонстрирует возможность представления эмоции как шкалы.

В узбекском языке аналогичная градуальность также может выражаться лексически и контекстуально. Например, отношения между *xafa bo'lish*, *achchiqlanish*, *g'azab* и *jahl* позволяют разграничивать эмоциональные состояния по степени напряжённости и характеру реакции. Однако в ряде случаев русский язык выражает различие посредством самостоятельной лексемы, тогда как узбекский язык использует сочетание или контекстуальную конструкцию. Это особенно важно для определения типа межъязыкового соответствия.

Лексико-семантическая организация эмоций не ограничивается существительными. В русском языке эмоциональные состояния активно представлены глаголами: радоваться, бояться, тревожиться, гневаться, удивляться, стыдиться, гордиться. Они обозначают не только саму эмоцию, но и её субъектно-предикативную структуру. Узбекский язык также обладает развитой системой глагольной репрезентации: *qivonmoq*, *qo'rqmoq*, *xavotirlanmoq*, *hayron bo'lmoq*, *uyalmoq*, *faxrlanmoq*. При сопоставлении здесь важно учитывать не только лексическое значение, но и грамматическое оформление эмоционального состояния.

Различия особенно заметны в моделях управления. Например, русское бояться чего-либо / кого-либо и узбекское *kimdandir qo'rqmoq* / *nimadandir qo'rqmoq* выражают сходную семантическую связь между эмоциональным субъектом и объектом эмоции, но оформляют её различными грамматическими средствами. Подобные расхождения показывают, что межъязыковое соответствие эмоциональной лексики невозможно свести к словарному принципу «одно слово – одно слово».

Важную роль играет полисемия. Эмоциональные слова нередко приобретают переносные значения, связанные с поведением, оценкой или внешними проявлениями эмоционального состояния. Например, русское восторгаться обозначает эмоциональное отношение к объекту, а любоваться может включать в значение компонент положительной эмоциональной оценки. В рамках подхода Ю. Д. Апресяна подобные случаи позволяют разграничить собственно обозначение эмоции и лексические единицы, значение которых включает эмоциональный компонент [3; 4]. Современные исследования русского эмоционального лексикона также подчёркивают сложность определения границ эмоциональной лексики: рядом с прямыми номинациями эмоций существуют слова, которые лишь косвенно указывают на эмоциональное состояние субъекта [8].

Аналогичная проблема существует в узбекском языке. Лексема может не называть эмоцию непосредственно, но описывать действие, состояние или реакцию, интерпретируемые через эмоциональный компонент. Поэтому для сопоставительного анализа целесообразно разграничивать ядро и периферию эмоциональной лексики. В ядро могут входить прямые номинации состояний радость, страх, гнев, грусть / qivonch, qo'rquv, g'azab, qayg'u, тогда как периферию образуют слова и выражения, обозначающие эмоциональные реакции, поведение и внешние признаки состояния.

Существенную роль в формировании эмоциональной семантики играет метафора. Согласно когнитивной теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, метафоризация позволяет осмысливать абстрактные явления посредством более конкретного физического или социального опыта [9]. Эмоции особенно активно концептуализируются через пространственные, телесные и температурные модели.

В русском языке подобные модели представлены выражениями кипеть от злости, гореть от стыда, охватил страх, сердце радуется. В узбекском языке также наблюдается связь эмоционального состояния с телесными и пространственными образами. Например, в выражениях типа yuragi ezildi буквально «его сердце сжалось/измучилось» эмоциональное состояние концептуализируется через телесный образ. Сопоставление подобных единиц позволяет обнаружить как универсальность телесной метафорики, так и различия в выборе конкретного образа.

Эмоциональная семантика тесно связана с культурной интерпретацией. А. Вежицкая подчёркивает, что сравнение эмоциональных концептов должно учитывать культурно обусловленные способы их описания [5]. Особенно важен её анализ русской эмоциональной экспрессии, где внимание уделяется моделям, связывающим эмоции с телесными реакциями [6].

Для узбекского материала также значимо разграничение универсального эмоционального содержания и культурно специфических способов его выражения. Например, такие номинации, как qivonch, qayg'u, uyat, g'urur, могут быть сопоставлены с русскими радость, печаль, стыд, гордость, но степень семантического совпадения необходимо устанавливать отдельно для каждой пары. Особый интерес представляет uyat, поскольку его значение может включать не только внутреннее эмоциональное состояние, но и социально-нормативный компонент, связанный с оценкой поведения человека.

Таким образом, семантические различия могут возникать вследствие неодинакового распределения компонентов значения. Если в одном языке определённый компонент закреплён непосредственно в лексическом значении, в другом он может актуализироваться только контекстом. Именно поэтому при сопоставлении необходимо анализировать не только словарные дефиниции, но и сочетаемость, типичные контексты и деривационные возможности.

Типологическая разница между русским и узбекским языками также оказывает влияние на способы формального выражения эмоциональной семантики. Русский язык

относится к флективным языкам, тогда как узбекский характеризуется агглютинативным типом. Это различие само по себе не определяет содержание эмоции, но влияет на способы морфологического оформления производных форм и грамматических конструкций. В узбекском языке последовательное присоединение аффиксов позволяет достаточно регулярно выражать различные грамматические и словообразовательные значения, тогда как в русском языке отношения между формой и значением реализуются преимущественно посредством флексии, чередования и различных моделей словообразования.

Особого внимания заслуживают словообразовательные отношения. Русские радость – радостный – радоваться, страх – страшный – бояться, гнев – гневный – гневаться демонстрируют разные деривационные модели. При этом производное слово не всегда сохраняет полный семантический состав исходной леммы. В узбекском языке также существуют словообразовательные цепочки, однако способы образования и распределение частей речи между ними иные. Поэтому сопоставление деривационных моделей позволяет выявлять структурные различия при сохранении общей семантической категории.

Вопрос о межъязыковой эквивалентности особенно важен для перевода. А. Павленко показывает, что эмоциональный опыт в многоязычном сознании связан с языком и культурой, а эмоциональные значения не всегда переносятся между языками без изменений [10]. В отношении русского и узбекского языков это означает, что словарный эквивалент должен рассматриваться как отправная точка анализа, а не как окончательное доказательство полного совпадения значений.

Современные исследования непосредственно русского и узбекского эмоционального лексикона также указывают на сочетание универсальных и культурно обусловленных способов выражения эмоций [11; 12]. В частности, в исследованиях отмечается роль лексических, семантических, морфологических и контекстуальных средств в обоих языках. Это подтверждает необходимость комплексного подхода, при котором лексическое значение рассматривается во взаимодействии с контекстом и структурой языка.

Сопоставление позволяет выделить несколько основных типов межъязыковых отношений. Первый тип составляют близкие соответствия, например радость – qivonch, страх – qo'g'quv, гнев – g'azab. Второй тип образуют частичные соответствия, при которых основные компоненты значения совпадают, но различаются дополнительные семы интенсивности, оценки или ситуации употребления. К третьему типу относятся случаи, когда русская эмоциональная единица передается в узбекском языке словосочетанием или контекстуально обусловленной конструкцией. Наконец, существуют единицы, для которых невозможно установить прямой эквивалент без потери части культурно-семантической информации.

Важным результатом является и установление неодинаковой степени детализации отдельных эмоциональных зон. Общее наличие категорий положительных и

отрицательных эмоций свидетельствует об универсальности человеческого эмоционального опыта. Однако внутренняя структура этих зон зависит от языка. В одном языке определённая эмоциональная разновидность может иметь самостоятельную лексему, тогда как в другом она выражается как оттенок более общего понятия.

Для дальнейшего исследования представляется перспективным создание сопоставительного тезауруса русской и узбекской эмоциональной лексики. Такой тезаурус мог бы включать базовую номинацию эмоции, её семантические компоненты, синонимический ряд, антонимические связи, градуальные отношения, типичную сочетаемость, деривационные модели и функционально-стилистические характеристики. Подобная модель позволила бы перейти от отдельных сопоставлений к системному описанию эмоциональных лексико-семантических полей.

Сопоставительный анализ наименований эмоций в русском и узбекском языках показывает, что эмоциональная лексика обладает одновременно универсальными и национально специфическими характеристиками. Универсальность проявляется в наличии общих семантических зон, связанных с положительными и отрицательными эмоциональными состояниями, а также в существовании базовых номинаций радости, страха, гнева, печали, удивления и других состояний.

Межъязыковые различия проявляются преимущественно в структуре отдельных лексико-семантических групп, степени детализации эмоциональных значений, способах выражения интенсивности, характере полисемии, словообразовательных возможностях и типичной сочетаемости. Значимым фактором является различное распределение семантических компонентов между лексемами: то, что в одном языке закрепляется в значении отдельного слова, в другом может передаваться сочетанием слов или актуализироваться контекстом.

Русская и узбекская эмоциональная лексика демонстрируют также общность когнитивных механизмов, в частности использование телесной и пространственной метафоричности, при различном языковом воплощении этих механизмов. Поэтому сопоставительное описание должно учитывать не только словарные эквиваленты, но и семантическую структуру, контекст, сочетаемость и культурную коннотацию.

Полученные наблюдения позволяют рассматривать эмоциональную лексику как перспективную область сопоставительного языкознания. Её системное исследование может способствовать более точному установлению типов межъязыковой эквивалентности, выявлению национально специфических компонентов значения и дальнейшему развитию сопоставительной лексикологии русского и узбекского языков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 414 с.

2. Шаховский В. И. Соотносится ли эмотивное значение слова с понятием? // Вопросы языкознания. 1987. № 5. С. 47–58.
3. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 767 с.
4. Апресян В. Ю. Речевые стратегии выражения эмоций в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 26–56.
5. Wierzbicka A. Emotions across Languages and Cultures: Diversity and Universals. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 362 p.
6. Wierzbicka A. Russian Emotional Expression // Ethos. 1998. Vol. 26, No. 4. P. 456–483. DOI: 10.1525/eth.1998.26.4.456.
7. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. М.: Directmedia, 2015. 202 с.
8. Ярошенко Е. А. RusEmoLex: эмоциональный лексикон для русского языка // Russian Journal of Linguistics. 2025.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
10. Pavlenko A. Emotions and Multilingualism. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
11. Kadirova N. X., Murodova D. A. Linguistic Features of Emotional Lexicon in the Russian and Uzbek Languages // International Multidisciplinary Journal for Research & Development. 2026. Vol. 13, No. 4. P. 1427–1432.
12. Абдурахимова Н. Когнитивно-прагматические особенности языковых единиц, выражающих эмоции, в английском, русском и узбекском языках // O'zMU xabarlari. 2026. Vol. 1, No. 1.2.
13. Ўзбек тилининг изоҳли луғати: 5 жилдли / ЎЗР ФА А. Навоий номидаги Тил ва адабиёти институти; А. Мадвалиев таҳрири остида. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006–2008.
14. Русский семантический словарь: толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998–.